

Судьба человека

Елена ЗАХАРЧЕНКО

ПРАВО НА ГОРДОСТЬ

Моя знакомая, искусствовед, опубликовала в журнале «Нева» статью и неожиданно получила на нее отклик-письмо из Белоруссии. К ней обращался ученый-биолог Павел Павлович Богуш с просьбой рассказать о его друге — ленинградском ученом-ортоптерологе, докторе биологических наук, лауреате Государственной премии СССР Льве Леонидовиче Мищенко. Не раз он пробовал уговорить Льва Леонидовича поделиться с журналистами, писателями своими мыслями, поведать о своей нелегкой судьбе, но тот стеснялся: кому, мол, я сейчас интересен — пенсионер, инвалид, да и некогда мне — здоровье слабое, а работать хочется, не успел вдоволь натрудиться. Но в конце концов уступил настойчивым просьбам: «Что ж, если польза кому-нибудь от этого будет, пусть приходят корреспонденты...».

Об этом я узнала позже, когда познакомилась ближе и со Львом Леонидовичем, и с Павлом Павловичем. Знакомство состоялось потому, что приятельница уговорила меня взяться за очерк.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как я впервые встретила со Львом Леонидовичем, а очерк все «не клеился». Слишком много было в его судьбе необычного, открывающегося далеко не сразу. Скажем, как-то не укладывалось у меня в голове, что этот стройный, подтянутый, очень подвижный человек — инвалид второй группы. И другое удивляло. Даже зимой он ходил по дому в одной только легкой рубашке-безрукавке, несмотря на то, что и в комнате было не жарко. Когда же начинал увлеченно о чем-то рассказывать, становился и вовсе похожим на юношу, едва ли не на мальчишку. Во всяком случае, нетрудно было представить, каким был в детстве этот высокий седовласый человек с выразительным одухотворенным лицом...

А говорили мы с ним преимущественно о... саранче. Когда я впервые шла на встречу со Львом Леонидовичем, то лихорадочно пыталась вспомнить хотя бы что-нибудь об этих насекомых. Но, как на грех, ничего припомнить не могла, кроме того, что о саранче говорилось в летописях Киевской Руси, да еще слова из язвительно-иронического отчета Александра Сергеевича Пушкина, отправленного обследовать результаты налета этих насекомых: «Саранча летела, летела. Села, все съела и опять улетела». Как оказалось, он писал о наиболее опасном вредителе посевов из числа саранчовых России — азиатской саранче. С ней связано основное наше представление об этом семействе вообще. Еще лет пятьдесят назад она

обитала от Дуная до озера Зайсан — постоянно, а временные места ее пребывания вообще трудно перечислить. Некоторые насекомые этого вида были, например, обнаружены в северных областях нашей страны и даже в Финляндии.

Конечно, о том я узнала уже из разговора с Мищенко. Он старательно объяснил мне систему классификации насекомых, без которой и в науке, и на практике с ними не разобраться. Саранчовые являются надсемейством и входят в отряд прямокрылых, подотряд короткоусых насекомых. Так что, поймав «кузнечика», первым делом надо посмотреть, какие у него усы. Если длинные, то можно быть спокойным за посевы, но если короткие — перед вами настоящая саранча. Всего в надсемействе несколько семейств, включающих около десяти тысяч видов. И почти о каждом Лев Леонидович мог бы рассказать много интересного, дать точную характеристику не только внешнего облика и строения тела насекомого, но и его повадок, географии обитания. На мой удивленный взгляд он ответил: «А что делать? Систематику надо знать „в лицо“ своих „зверей“».

Как-то особенно бережно показывает ученый коробочки с коллекциями, объясняет принципы строения лапок, крыльев, глаз саранчи, перемежая живую русскую речь строгими латинскими наименованиями. С любовью говорит об этих невзрачных на непосвященный взгляд насекомых. Я не утерпела и спросила, как он может говорить подобным образом о вредителях. Лев Леонидович мягко улыбнулся:

— Что вы! Смотрите, какие они красивые! А крылья! Вы знаете, многим способностям, которыми обладают эти «звери», люди вправе позавидовать. Они, например, могут прекрасно переносить жару и жить в степи, подниматься на высочайшие горы, куда не добраться и альпинистам, жить на скалах, почти голых, а как далеко и быстро умеют они летать! Конечно, я понимаю, ваше отношение к этим насекомым сложилось под влиянием многолетней информации о саранче только как о вредителе сельскохозяйственных посевов. Но ведь в природе все гармонично, целостно, и, как это ни странно, уничтожая саранчу, мы рискуем порой принести больше вреда, чем пользы. Вот, посмотрите, например, эту книжку. Здесь вы найдете, наверное, много новых и полезных сведений о моих «зверях».

И он протянул мне небольшую брошюрку Л. М. Копаневой и И. В. Стебаева «Жизнь саранчовых», выпущенную недавно в Москве. Действительно, много интересного узнала я из этой книги, авторы которой — ученики Мищенко. Во вступлении они отдают дань уважения

и признательности своему учителю: «Пожалуй, нет в Советском Союзе ни одного специалиста по саранчовым, который не прошел бы строгую школу Льва Леонидовича Мищенко. Необыкновенная зрительная память, трудолюбие, талант, направленные к одной цели — изучению структуры тела саранчового, позволили Льву Леонидовичу стать выдающимся ученым-систематиком. Его труды чрезвычайно важны, так как любая работа с насекомыми, конечно, должна начинаться с систематики...».

Написанная живо, с юмором, прекрасно иллюстрированная, книга содержит и научную информацию, и своеобразную публицистику, и даже... стихи. По стихотворной строчке Л. М. Копаневой названа одна из главок — «Глаза в глаза».

Смотрю глаза в глаза,
боюсь пошевелиться:
локуста на меня
взирает с тростника,
хотя среди стеблей
как будто место пусто.
Но я смотрю во все глаза
и думаю о высоте искусства
природы, выдумавшей эти чудеса:
зеленую керамику локусты,
все в искорках блестящие глаза...

Я решила привести эти стихи как пример не высокой поэзии, а одухотворенного восприятия мира, своей работы, как свидетельство тому, что отношение ученых к своему делу все чаще приобретает не только познавательный, но и эстетический характер. Это — требование сегодняшнего дня.

Сегодня надо, решая даже частные, казалось бы, вопросы, все более считаться со всем, что мы объединяем словом «природа», с нашими соседями по планете — птицами, рыбами, зверями, растениями. И учитывать, что далеко не все, ненужное для нас, людей, является ненужным и для «братьев наших меньших». В частности, что саранча — не только пожиратель посевов, но и деликатесное лакомство для многих животных (да и для некоторых южных народов — тоже). К тому же, саранчовые давно уже являются общепризнанными объектами исследований ученых и не хуже собаки, кошки или лягушки служат им в лабораториях всего мира, являясь своеобразными «индикаторами ландшафта», по которым можно точно определить специфику различных стадий заселения разрушающихся или восстанавливаемых биоекоцинозов. Не исключено, что в недалекой перспективе саранчовых можно будет использовать для прополки сорняков на полях или специально откармливать и перерабатывать в кормовые продукты для сельскохозяйственных животных.

Немалый интерес представляет изучение саранчи для авиаконструкторов. Это

насекомое может взлетать и садиться на любую поверхность, любого наклона, причем почти вертикально. Описаны случаи, когда стаи саранчи из Северо-Западной Африки залетали на Британские острова, над Атлантическим океаном, значит, путь в 2400 километров совершали без отдыха, без остановок...

Поскольку это насекомое распространено почти по всей планете, ученым необходимо научиться не столько уничтожать саранчу, сколько умело управлять ее перелетами, предсказывать их характер и учитывать это в сельскохозяйственной политике разных стран и континентов. Ведь страшно не саранча, а только ее чрезмерное скопление на отдельных участках земли. Для координации своих действий ученые организовали специальный международный научный Антилокустцентр.

Глубоко прав был выдающийся советский ученый В. И. Вернадский, основатель биогеохимии, когда утверждал, что в биосфере все имеет необходимое для совокупности организмов значение. «Польза» и «вред» биологического вида — понятия далеко не безусловные...

Современным молодым ученым трудно, наверное, представить, что все это сделал и делает человек, не получивший систематического образования. Рассказывая о себе, Лев Леонидович неизменно смущается.

— Об отце своем я мало что знаю. Мы с сестрой еще совсем маленькими были, когда он нас бросил. Хорошо, что мама шить умела. А так ведь, кроме иностранных языков и ведения домашнего хозяйства, по существу, ничего не знала. В общем, то, что отец нас бросил, было большой трагедией. Мать много здоровья потеряла из-за этого. Никакие лекарства уже помочь толком не могли, хотя я и старался, как только умел, скопить на них денег — дорогие были лекарства. И подрабатывал, и марки из своей коллекции продавал... И по дому старался помогать.

Читать я научился, можно сказать, по двум книгам — «Атласу бабочек» Лампера и книге Жана Анри Фабра «Инстинкт и нравы насекомых». Тогда же мне понравилось возиться с жучками, бабочками. Конечно, в основном приходилось иметь дело с тараканами, я их тогда еще не мог правильно называть и говорил «такараны». С гусеницами, лягушками опыты любил проводить. Хорошо еще, что мать как-то мирилась с моими увлечениями. Представляю, каково было ей, тогда еще совсем молодой женщине, находить у себя в рукаве платья какую-нибудь гусеницу или в праздничной туфле — мирно спящую лягушку! В школе я не давал покоя учителям, забрасывал их всевозможными вопросами о природе, о жизни зверей.

В конце концов учительнице биологии Вере Ивановне пришлось познакомить меня со своим братом-ученым — Алексеем Ивановичем Добродеевым. Встречались, разговаривали, а потом он меня пригласил работать к себе, в существовавший тогда в Ленинграде Институт опытной агрономии, в отдел прикладной энтомологии. Там я и увлекся изучением саранчовых, когда мне доверили во время экспедиций по Средней Азии, Закавказью, Казахстану ответственную работу по сбору и определению насекомых...

Во время экспедиций он собрал свою первую коллекцию и отправил ее с просьбой помочь в определении видов крупному энтомологу Борису Петровичу Уварову, позднее руководившему международными организациями ортоптерологов. Уваров напечатал работу еще неизвестного сотрудника института в испанском журнале «Эос», благословив его в большую науку.

Несмотря на неодолимую тягу к знаниям, Лев Леонидович, щадя больную мать и сестру, единственным кормильцем которых он стал, отказался от университетского образования и, воспользовавшись советами коллег, закончил в ускоренном порядке кинофототехникум. Он совмещал учебу с работой. А затем, потрудившись и в ВИЗРе (Всесоюзном институте защиты растений), и инженером-лаборантом на заводе «Красный гвоздильщик», поездив по стране в составе отрядов по борьбе с саранчой, поступил на работу в Зоологический институт АН СССР.

Наверное, многие его коллеги по Зоологическому институту, где Лев Леонидович прослужил более сорока лет, даже не представляли, каких огромных усилий стоила ему работа. Кое-кто и вовсе не мог понять — как это человек периодически теряет слух, речь.

Он воевал, но мало кому из сослуживцев было известно, что для него Великая Отечественная война не закончилась в сорок пятом. И много лет спустя ему приходится вести каждодневное сражение со своими недугами во имя того, чтобы приносить пользу людям. Он сумел победить боль настолько, что с трудом понимаешь, как можно достичь успеха в науке после такой контузии, когда и врачи дивились: надо же — выжил, а потом долго не могли определить, в чем же причина того, что Лев Леонидович периодически полностью теряет зрение, слух, речь.

— Да, это, действительно, очень трудно оказалось — определить причину. Оказывается, сужились поля зрения, ну, а потеря слуха и речи бывает, как правило, после тяжелых переживаний. Меня же контузило на Невской Дубровке. Обидно так — уже после переправы, в землянке... Только узнал о том, что меня представили

к ордену. Выхожу наверх, и вдруг — спонжгуче-алого огня, дальше — не помню. Очнулся в госпитале. Захотел спросить у сестрички, где я, а чувствую — говорить не могу. Знаками попросил лист бумаги — пришлось написать. Они поняли, что я и не слышу ничего. Написали крупными буквами на листке: «В Ленинграде». И я снова потерял сознание. А когда его обрел, выяснилось: ничего из своего прошлого не помню... Потом уже чудом вспомнил какой-то дом, нарисовал, как он расположен. Ориентир хороший был — баня рядом стояла. Сестричка узнала, что это за дом. Память у меня совсем отказала, и ни улицы, ни номера я не мог написать. Она по расположению домов узнала. Сходила туда — оказывается, недалеко это было, на Васильевском. Дом, что я нарисовал, как выяснилось, был не наш, а дом сестры жены. На счастье, жена оказалась в это время именно там.

Потом — их встречи в больнице, когда Лев Леонидович, тайком, передавал жене часть своего госпитального пайка. И она, и он выжили, выстояли. Более того, в следующем, сорок втором году, в блокадном Ленинграде он защитил кандидатскую диссертацию. Поскольку говорить было очень тяжело, во время защиты прибегал к помощи записок.

Были в его жизни и другие победы. Была присвоена степень доктора биологических наук по совокупности опубликованных работ. Кроме награды за бои на Невской Дубровке — орден Отечественной войны I степени, орден Трудового Красного Знамени — за многолетний научный труд. В 1952 году за работу, написанную в соавторстве с Г. Я. Бей-Биенко — «Саранчовые фауны СССР и сопредельных стран», Лев Леонидович удостоился звания лауреата Государственной премии СССР. Этот труд, как и его диссертация, опубликован в Ленинграде и переведен впоследствии на английский язык в Соединенных Штатах Америки. Его книги и статьи стали мощным толчком к изучению саранчовых во всем мире. На их основе во многих зарубежных странах созданы сводки по этим насекомым — в Болгарии, Румынии, Польше, Китае. Совсем недавно в Англии вышла книга, посвященная вредным саранчовым всего мира. В ней сделано пятьдесят пять ссылок на работу «Саранчовые фауны СССР и сопредельных стран» и пятьдесят три — на другие труды Мищенко. Ученым написано около семидесяти статей и монографий. Несмотря на преклонный возраст, тяжелый недуг, Лев Леонидович продолжает трудиться. Последняя по времени статья его была опубликована в прошлом году, четыре — сданы в печать.

Мищенко рассказывает о своей библиотеке. Стены его кабинета снизу доверху

установлены книгами. Научными, в основном. Если учесть, что любое напряжение для глаз могло в очередной раз привести почти к полной утрате зрения, удивляешься, как эту гору книг удалось не просто прочитать, но осмыслить, проработать.

— Вы, наверное, не можете представить, как я с таким плохим зрением могу определять насекомых?

Я согласно кивнула.

Лев Леонидович подставил стул и достал с полки небольшую книгу.

— Я не могу точно определять цвет. Особенно трудно с красным и белым. Так вот, эту книгу мне прислали друзья, когда я написал им о своих бедствиях. Видите, здесь цветовая таблица для работников следственных органов — градация цветов очень подробная, плавная. Я прикладываю ножку или лапку насекомого, цвет которого мне надо определить, к одной из цветочных клеточек и сличаю. Не по цвету, по тону смотрю. А цвет — тут сбоку написано, какой. Я читаю, если надо. А до этого, с обычной таблицей цветов для ученых-ортоптерологов я намучилсь здорово — там как-то все цвета вперемешку были расположены, она выглядела, как лоскутное одеяло...

Узнав, что я собираюсь в Зоологический институт, он забеспокоился:

— Вы уж там их не больно ругайте, что, мол, меня забывают. Звонят ведь иногда, открытки присылают. Я ведь понимаю — у всех свои дела. А место рабочее они за мною числят. Когда я попрошу, могут уступить. Я иногда в институт хожу, в основном, правда, за книгами или в коллекцию что-нибудь посмотреть. А если кто-нибудь в консультации нуждается, то консультирую здесь, дома.

Мое появление в институте не всем сотрудникам понравилось. Кто-то открыто удивлялся: «Да зачем вы о Мищенко будете писать? У нас ведь немало ветеранов, есть еще и работающие да и в науке не меньше его сделавшие... Вот, например...». В долгие объяснения я не вдавалась, просто — старалась, что можно, узнать о Льве Леонидовиче от сослуживцев. Все отмечали: «Хороший человек. Очень деликатный. И вежливый».

Требовал он, конечно, многого. В том числе — и высоких моральных качеств.

Но при всей строгости Лев Леонидович ни разу, как вспоминают сотрудники, не вошел в кабинет, где работал, не постучавшись. Никто не помнит, чтобы Лев Леонидович повысил голос. Напротив, все отмечали его мягкость и ранимость, которую объясняли плохим самочувствием, повышенной возбудимостью. Мне же после общения с сотрудниками института и с самим Мищенко представляется, что ранимость его — не столько из-за болезни, сколько из-за того, что, ежедневно

предъявляя к себе максимальные требования, он не мог не предъявлять их и к другим, более здоровым и сильным. Этот максимализм, характерный, скорее, для юных, чем для зрелых или тем более преклонных лет, пожалуй, и делал его лицо молодым.

Но, придя домой и вновь просмотрев письма, которые переслал мне и разрешил опубликовать Павел Павлович Богуш, как никто другой, знавший, чего стоила Мищенко его каждодневная работа, я осознала, как много пришлось преодолеть Льву Леонидовичу, чтобы сохранить такой максимализм.

Вот одно из этих писем.

7 июля 1964 года

Чувствую себя все время неважно, мучают головные боли, которые временами бывают просто невыносимыми. Мне было очень плохо в ноябре 1963 года. Были очень тяжелые приступы, которые начались в институте. Меня с трудом отвезли домой, и дома врачи сделали соответствующие уколы. После этого резко упало зрение, я почти ничего не видел. Срочно делали уколы, искололи всего.

Сейчас зрение несколько улучшилось, но все равно вижу очень плохо — всего пять процентов на оба глаза, оптика не помогает. Но организм человека — удивительная штука. Он быстро пытается восполнить потерю чего-то, так и тут — я стал видеть крупнее.

По-прежнему глух и нем, левую ногу волочу, руке стало лучше, но я делаю все, что могу. Ко всем этим неприятностям, в 1961 году в конце февраля почувствовал режущую режущую боль в области сердца, с трудом добрался до кровати. Вызванные врачи определили инфаркт миокарда, провалялся 5 месяцев, и теперь сердце все время дает себя знать, — побольше похоже — сразу отекают руки и ноги.

Несмотря на все это, работаю. Сейчас сдаю в печать (буквально на днях) новый том «Фауны СССР», посвященный части подсемейства Акридине, самого трудного, самого многочисленного у нас подсемейства, содержащего много вредных видов... Работа получилась огромная, объемом не меньше семидесяти печатных листов. В ней я собрал все, что известно о каждом виде этого подсемейства, даю (где известно) описание кубышек, личинок, биологию, фенологию, вред паразитов, их врагов и даже болезни — короче, в работе более пятисот видов, и о каждом дана монография.

К сожалению, постоянное нездоровье не дало закончить эту большую работу быстрее, и ее пришлось переделывать два раза из-за выхода в свет новых работ. По этому подсемейству существует колос-

сальная литература, так как нет ни одной работы, где бы не было его представитель. В этом и была главная задача.

И еще. Я даю разбор состава всего мира, потом Палеарктики и отдельно Советского Союза. И вот, мне нужны были две цифры — сколько родов и видов в этом подсемействе. Последний каталог всего мира по саранчовым вышел в 1910 году. В него вошли работы, опубликованные в первой половине 1908 года. И вот, чтобы получить эти две цифры, мне пришлось не только просмотреть соответствующую литературу с 1908 года, но и определить, какой вид куда отнести, ведь там нет указаний, что такой-то вид — это Акридине. Мне пришлось находить все работы и по описанию разбираться. Зато теперь я знаю, сколько видов в каждом роде, сколько в подсемействе родов, где они живут и так далее.

...Многие другие письма к Богушу похожи на это. Лев Леонидович рассказывает в них о своей работе, сообщает об определенных им насекомых, рассуждает — да, именно рассуждает, а не жалуется! — о своем здоровье, тревожится о плохом самочувствии жены — Нины Александровны. Пишет о ней с неизменным вниманием и нежностью, чаще всего употребляя местоимение «мы»...

Не так давно Нина Александровна умерла. Лев Леонидович, похоронив жену, долгое время не находил покоя. Лишь постепенно он смог несколько оправиться от горя. Не в последнюю очередь потому, что не остался совсем один: подруга Нины Александровны — Анна Алексеевна Сакшина — старается помогать ему по хозяйству, поддерживает во всем...

...На мой вопрос, откуда у него столько сил, Лев Леонидович Мищенко ответил: «Когда меня контузило и мне угрожала полная нетрудоспособность, я вспомнил Николая Островского, и он, вернее его героическая жизнь, помогли мне не расслабиться, научиться держать себя постоянно в руках, не думать о болезни, и я смог, несмотря на такую травму, все время работать, сохранить свое я, а тем самым чем-то быть полезным людям, своей Родине».

Я запомнила его слова — сохранить свое «я». И то, как он стоял на автобусной остановке, провожая меня, слегка опершись рукой на палочку, — высокий, прямой, с расстегнутым воротом рубашки, с гордо поднятой головой. Подумалось: вся его жизнь — это борьба за то, чтобы иметь право смотреть и стоять вот так — прямо, гордо, за право называться настоящим человеком, гражданином.